Русскій Вѣст[illegible] 1900. № 128

Памяти Ѳ. Г. Волкова.

По поводу стопятидесятилѣтней годовщины основанія вольнаго русскаго театра.

Первое начало русскаго театра относится ко второй половинѣ XVII вѣка, въ царствованіе Алексѣя Михайловича. „Тишайшій, даровавшій Россіи Царя-Преобразователя,—говоритъ одинъ изъ изслѣдователей,—видѣлъ и нарожденіе въ Москвѣ [illegible] этого могучаго двигателя народной образованности". Появленіе театра въ Москвѣ въ это время не было простою случайностью: оно служило однимъ изъ проявленій [illegible]. Къ ужасу сторонниковъ старины, театръ отводилъ царя и его приближенныхъ отъ прежнихъ благочестивыхъ развлеченій, отъ духовныхъ стиховъ, [illegible] дѣйствъ, отъ скомороховъ и [illegible].

[illegible] царя по иниціативѣ боярина Матвѣева, „который въ духовныхъ обученіяхъ и въ царской святительской чести надлежащихъ гражданскихъ поступкахъ зѣло обрѣтался благовкусенъ". Устройство театра и было поручено первоначально пріятелю Матвѣева полковнику Николаю Ѳанъ-Стадену. 15-го мая 1672 г., т. е. за двѣ недѣли до рожденія Петра Великаго, царь приказалъ Ѳанъ-Стадену ѣхать въ Курляндію и „приговаривать великаго государя въ службу рудознатныхъ всякихъ самыхъ добрыхъ мастеровъ, которые бъ руды всякія подлинно знали и плавить умѣли, да трубачей самыхъ добрыхъ и ученыхъ, да которые бъ умѣли всякія комедіи строить".

Оказалось, что порученіе, данное Ѳанъ-Стадену, исполнить было нелегко. Онъ велъ переговоры со многими актерами и въ Курляндіи, и въ Даніи, и въ Швеціи, но мало было охотниковъ ѣхать въ далекую и негостепріимную Московію. Ѳанъ-Стаденъ вернулся только съ однимъ трубачемъ и четырьмя музыкантами. Но въ Москвѣ нашли другой способъ для устройства спектаклей. Обратились къ Нѣмецкой слободѣ, и желаніе царя было исполнено. Раньше 1672 г., еще до возвращенія Ѳанъ-Стадена, состоялся первый спектакль. Уже въ іюнѣ, черезъ нѣсколько дней послѣ рожденія Петра Великаго, былъ данъ слѣдующій указъ: „1672 года, іюня въ 4-й день, великій государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ указалъ иноземцу магистру Ягану Готфриду учинить комедію, а на комедіи дѣйствовать изъ библіи книгу „Эсѳирь" и для того дѣйства устроить [illegible] въ ее подобіе закупить въ прежнемъ [illegible] чертѣ". Магистръ Готфридъ Грегори, пасторъ въ Нѣмецкой слободѣ, человѣкъ значительно образованный, взялъ на себя устройство [illegible] спектаклей. „Хоромина" театральная была выстроена въ селѣ Преображенскомъ „со всѣмъ нарядомъ, что въ ту хоромину надобно". Спектакли, организованные нѣмецкимъ пасторомъ, очень понравились [illegible] въ январѣ 1673 г. Артамонъ Матвѣевъ объявилъ царскій указъ „взять въ посольскій приказъ сорокъ соболей въ 100 рублевъ, да пару въ восемь рублевъ, а изъ посольскаго приказа отдать тѣ соболи его великаго государя жалованье магистру Ягану Готфриду за комедійное строеніе, что объ Артаксерксѣ царствованіи".

Для своей труппы Грегори собралъ „дѣтей различныхъ чиновъ служилыхъ и торговыхъ иноземцевъ, всего 64 человѣка". Но дѣло не могло этимъ ограничиться: оно должно было кончиться привлеченіемъ къ нему русскихъ. При театрѣ Грегори уже въ 1673 году устраивается родъ школы, гдѣ 60 мѣщанскихъ и подьяческихъ дѣтей обучалось комедійному дѣйству. До насъ дошла челобитная „подьяченка Васьки Мешалкина съ товарищи", въ которой объясняется, что они взяты въ театральную школу, но жалованья имъ не положено, и они, ходя во вся дни въ Нѣмецкую слободу для обученія, платьишкомъ ободрались и сапожишками пообносились, а пить и ѣсть нечего: „пожалуй насъ холопей своихъ, вели, государь, намъ свое великаго государя жалованье на пропитаніе поденный кормъ учинить, чтобъ намъ холопемъ твоимъ, будучи у того комедійнаго дѣла, голодною смертью не умереть. Царь государь, смилуйся". Ученики были удовлетворены жалованьемъ, но самый театръ былъ вскорѣ закрытъ послѣ смерти Алексѣя Михайловича. Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ указалъ „очистить палаты, которые были заняты на комедію".

Великій преобразователь не могъ не [illegible] Іоганнъ Кунштъ. Не будемъ останавливаться на его дѣятельности, на его спектакляхъ и репертуарѣ, а только укажемъ, что и на этотъ разъ заведеніе театра было соединено [illegible] Кунштъ вскорѣ умеръ, труппа его распалась. Царь не былъ очень доволенъ спектаклями Куншта, такъ какъ нѣмецкій актеръ не сумѣлъ приспособиться къ основному требованію Петра, чтобы сцена, подобно церковной проповѣди, служила дѣлу реформы, важныя для зрителей „вѣдомости", [illegible]. Послѣ смерти Куншта спектакли прекратились, но еще продолжалось обученіе русскихъ учениковъ комедійному дѣлу. Ученики эти были недовольны своими наставниками-иностранцами, жаловались, что начальный комедіантъ иноземецъ и потому „въ русскомъ поведеніи не свѣдомъ", находили, что они не могутъ „дѣйствовать научаемыхъ комедій въ твердости [illegible]". Они просили „выбрать изъ насъ же русскихъ комедіантовъ одного человѣка или двухъ во разсмотрѣніе". Но между ними тогда не было такого человѣка, который могъ бы взять на себя созданіе и веденіе русскаго театра. Предпріятіе это кончилось ничѣмъ. Въ царствованіе Петра спектакли продолжались подъ покровительствомъ великой княжны Натальи Алексѣевны, но носили уже частный характеръ. Попытки Петра создать публичный русскій театръ не удались. Причины этого неуспѣха лежали въ двухъ условіяхъ. Съ одной стороны, тогда еще не было художественной драматической литературы, составляющей, по выраженію проф. Тихонравова, „душу театра", а съ другой—среди комедійныхъ учениковъ не [illegible] вать Волковъ.

Ѳедоръ Волковъ родился въ Костромѣ 9-го февраля 1729 г. Отецъ его былъ мѣстный купецъ. Онъ скончался черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ рожденія Ѳедора, [illegible] Волкова вторично вышла замужъ за ярославскаго купца и заводчика Полушкина, и всѣ мальчики Волковы переѣхали съ матерью на жительство въ Ярославль. Здѣсь Ѳедоръ Волковъ выросъ, здѣсь и началась его сценическая дѣятельность, онъ навсегда связалъ свое имя съ Ярославлемъ, своей второй родиной.

Наши свѣдѣнія о жизни Волкова довольно скудны и противорѣчивы. Несомнѣнно одно, что онъ былъ поставленъ въ условія довольно благопріятныя для своего развитія. Отчимъ Полушкинъ оказался [illegible] и сумѣлъ поставить благопріятно обученіе своихъ пасынковъ, которыхъ онъ любилъ какъ родныхъ дѣтей. Мы знаемъ, что онъ отправилъ старшаго мальчика Ѳедора въ Москву для обученія, [illegible], нужныхъ и иностранныхъ языкахъ. По другому преданію, которое представляется возможнымъ, но не вполнѣ [illegible], Волковъ провелъ въ Москвѣ около трехъ лѣтъ, обучаясь въ Заиконоспасской академіи. Заведеніе это по своему значенію, несмотря на свой богословскій характеръ по преимуществу, являлось общеобразовательнымъ, и поступленіе въ академію купеческаго сына, вовсе не думавшаго о духовной карьерѣ, не представлялось бы чѣмъ-нибудь исключительнымъ. Но, кажется, Новиковъ не могъ бы не знать, что Волковъ учился въ академіи, и не могъ бы, конечно, умолчать объ этомъ. Притомъ же традиціи [illegible] это пребываніе должно было такъ или иначе обогатить его извѣстными познаніями. Вѣроятно, въ Москвѣ онъ впервые нѣсколько ознакомился съ театральнымъ дѣломъ, со сценическими представленіями; [illegible] такъ играть на музыкальныхъ инструментахъ и предписывалось „давать комедіи, что зѣло полезно къ настоящей [illegible] честной области".

Въ своемъ Ярославлѣ Волковъ встрѣтилъ человѣка, который могъ научить его многому, о многомъ ему разсказать. [illegible] мальчикъ сошелся съ нѣмцемъ-пасторомъ, находившимся при сосланномъ въ Ярославль бывшемъ самовластномъ правителѣ Россіи герцогѣ Биронѣ. Подробностей объ отношеніяхъ Волкова къ этому пастору, остающемуся для насъ безъименнымъ покровителемъ, мы не знаемъ, но можемъ опять предположить, что пасторъ, подобно Іоганну Грегори, могъ оказаться отзывчивымъ къ театральному дѣлу и могъ познакомить своего юнаго пріятеля и ученика съ условіями и обстановкой тогдашней европейской сцены. Во всякомъ случаѣ мы должны признать, что уже въ ранніе годы жизни въ Ярославлѣ и въ Москвѣ Волковъ пріобрѣлъ познанія, тогда вовсе не обычныя для провинціальной купеческой среды, между прочимъ нѣкоторое знакомство съ иностранными языками; должны допустить, что уже тогда въ немъ зажглась страсть къ театру, съ которымъ онъ былъ уже знакомъ изъ разсказовъ или изъ книгъ, отчасти и по собственному наблюденію въ Москвѣ. Рѣшительный толчокъ въ дѣлѣ развитія общаго образованія, въ частности въ развитіи сценическихъ стремленій, Волковъ получилъ при своей поѣздкѣ въ Петербургъ.

[illegible] и пополненіи своего образованія, имѣлъ возможность ознакомиться съ тѣмъ, что тогдашній Петербургъ представлялъ по части театра. Черезъ хозяина нѣмецкой конторы, гдѣ Волковъ работалъ, онъ [illegible] совершенно восхищенъ отъ итальянскихъ артистовъ. Затѣмъ онъ продолжалъ посѣщать итальянскую оперу, такъ и нѣмецкую комедію, увлекаясь театромъ все больше и больше. Но особенно сильно и рѣшительно было впечатлѣніе, произведенное на Волкова спектаклями въ кадетскомъ шляхетскомъ корпусѣ. Общеобразовательное по своей программѣ и задачамъ учебное заведеніе, корпусъ развивалъ въ своихъ воспитанникахъ литературные и художественные вкусы. И вотъ какъ разъ во время пребыванія Волкова въ Петербургѣ въ корпусѣ начались спектакли: ставили кадеты трагедіи Сумарокова. Въ лицѣ этого плодовитаго писателя, стяжавшаго тогда славу у современниковъ, [illegible] нѣсколько пьесъ, отчасти заимствованныхъ, отчасти оригинальныхъ. Послѣ школьныхъ драмъ и духовныхъ [illegible] своей драматической литературы,—одного изъ непремѣнныхъ условій для развитія театра. Но если для сцены нужна драма, то и для драмы нужна сцена. Отсутствіе русскихъ спектаклей не могло не дѣйствовать задерживающимъ образомъ на драматическую литературу. Драмы Сумарокова вызвали устройство спектаклей, а послѣдніе въ свою очередь создали важное условіе для дальнѣйшаго развитія драматической литературы.

Въ шляхетскомъ корпусѣ съ 1749 г. кадеты исполняли нѣкоторыя трагедіи Сумарокова. Шла трагедія Сумарокова „Синавъ и Труворъ". Волковъ [illegible]: „Узилъ Ѳ. Г. Волковъ [illegible] театръ въ Ярославлѣ".

Пребываніе въ Петербургѣ не только [illegible] отдался совершенно театру. Онъ и раньше уже сильно увлекался театромъ, и надо думать, что его личные сценическіе опыты начались еще до этого времени. Въ нашихъ свѣдѣніяхъ о Волковѣ [illegible] трудно установить хронологическую послѣдовательность нѣкоторыхъ фактовъ. Но есть основаніе первые сценическіе опыты Волкова отнести къ довольно раннему времени. Существуетъ преданіе, долго признававшееся фактомъ, что Полушкинъ съ полнымъ одобреніемъ отнесся къ театральнымъ пріятіямъ своего старшаго пасынка, былъ чрезвычайно доволенъ, когда въ его [illegible] Волковъ устроилъ первый спектакль въ кожевенномъ амбарѣ, а затѣмъ вмѣстѣ съ другими лицами содѣйствовалъ построенію особаго театральнаго зданія. Но спектакли въ амбарѣ относятъ къ 1750 г., а устройство особаго театра къ 1751 г.; между тѣмъ Полушкинъ скончался, какъ оказывается изъ документовъ, еще въ 1747 г., т. е. раньше, чѣмъ Волковъ рѣшительно выступилъ на сценическое поприще. Однако, если мы обратимся къ біографіи Волкова, написанной Новиковымъ, къ показаніямъ которой слѣдуетъ относиться съ большимъ довѣріемъ, мы найдемъ тамъ свидѣтельство, что Полушкинъ „былъ доволенъ (первыми сценическими опытами пасынка), но почиталъ все сіе пустыми игрушками": мы должны заключить, что Волковъ началъ разыгрывать драматическія представленія въ Ярославлѣ еще при жизни вотчима. На то же самое указывается и другое мѣсто въ той же біографіи, гдѣ говорится, что Волковъ началъ упражняться въ театральныхъ представленіяхъ „съ самыхъ юныхъ лѣтъ".

Подъ вліяніемъ полученныхъ въ Петербургѣ впечатлѣній и свѣдѣній Волковъ поставилъ свои представленія въ Ярославлѣ на болѣе широкую и прочную ногу. Въ Петербургѣ, если вѣрить преданію, Волковъ не ограничивался только тѣмъ, что былъ зрителемъ спектаклей: [illegible] трудовъ—онъ познакомился [illegible] съ закулисной стороной дѣла, изучалъ театральныя машины, списывалъ декораціи и т. п., изучалъ, однимъ словомъ, всѣ необходимыя техническія познанія, чтобы быть режиссеромъ, декораторомъ, машинистомъ, а не только актеромъ. Къ тому же занятія драматической литературой скоро вывели Волкова и на путь авторства.

Начавъ свои сценическія представленія въ комнатахъ, безъ особыхъ приспособленій, Волковъ устроилъ затѣмъ особое помѣщеніе для спектаклей. Онъ воспользовался для этого большимъ каменнымъ кожевеннымъ амбаромъ, установилъ въ немъ помостъ для сцены и мѣста для зрителей, написалъ необходимыя декораціи, освѣтилъ импровизированный театръ плошками и сталъ давать въ немъ представленія. Первый спектакль въ этомъ амбарѣ былъ данъ, какъ полагаютъ, 29-го іюня 1750 г.; вотъ почему-то и чествуется теперь 150-тилѣтній юбилей дѣятельности Волкова.

Труппу Волкова составляли его братья Гаврило и Григорій, да нѣсколько пріятелей, молодыхъ людей—Нарыковъ, Чулковъ, Поповъ и др. Есть извѣстіе, что Волковъ для своего театра привлекалъ также заводскихъ рабочихъ, отчасти, конечно, для черныхъ работъ по театру, а отчасти быть-можетъ, и для прямого участія въ спектакляхъ. Актрисъ въ составѣ труппы не было: женскія роли исполнялись мужчинами.

Первою пьесой, разыгранной Волковымъ съ товарищами въ амбарѣ, была „Эсѳирь" (или переводъ съ нѣмецкаго, или сочиненіе Димитрія Ростовскаго); затѣмъ слѣдовали „Эвменъ и Берея" (съ нѣмецкаго), „Шемякинъ судъ" (Димитрія Ростовскаго), „Лѣкарь поневолѣ" Мольера, „Хоревъ" и другія трагедіи Сумарокова.

Спектакли имѣли большой успѣхъ. Многія вліятельныя лица города весьма сочувственно отнеслись къ предпріятію Волкова и между ними самъ воевода Бобрищевъ-Пушкинъ. [illegible] спектаклей въ амбарѣ Волковъ сталъ давать ихъ представленія за городомъ, при содѣйствіи [illegible] Полушкина. [illegible] мѣстахъ указывали мѣсто этого загороднаго театра. Въ самомъ городѣ актеры скоро [illegible], и Волковъ при содѣйствіи вліятельныхъ и зажиточныхъ лицъ построилъ новый деревянный театръ со всѣми приспособленіями. Волковъ самъ былъ и архитекторомъ, и машинистомъ, и декораторомъ въ своемъ театрѣ [illegible]. Спектакли въ новомъ зданіи начались въ 1751 г. Для начала шла опера Метастазіо „Титово милосердіе", переведенная съ итальянскаго самимъ Волковымъ. Онъ къ этому времени уже пріобрѣлъ и за самостоятельное авторство. Есть извѣстіе, что имъ въ Ярославлѣ была поставлена сочиненная имъ комедія „Всякій Еремей про себя разумѣй".

Первоначально спектакли Волкова были безплатные: въ новомъ театрѣ стали съ зрителей брать небольшую плату, отъ 25 до 3 копѣекъ ассигнаціями за мѣсто. Всего въ новомъ театрѣ было 1,000 мѣстъ.

Дѣло шло хорошо. Волковъ нашелъ себѣ товарищей, обладавшихъ сценическими способностями и относившихся серьезно къ дѣлу. Онъ сумѣлъ объединить ихъ въ общей работѣ. Публика относилась очень сочувственно къ театру, охотно его посѣщала.

Вскорѣ до Петербурга дошло извѣстіе о театрѣ Волкова. Дѣло стало извѣстно самой императрицѣ Елизаветѣ, которая повелѣла Волкова съ его труппой представить въ Петербургъ. Въ Ярославль былъ присланъ сенатскій регистраторъ Дашковъ, привезшій высочайшее повелѣніе о представленіи Волкова съ товарищами ко двору. Актеровъ снабдили на казенный счетъ теплой одеждой и повезли въ Петербургъ на почтовыхъ. 3-го февраля 1752 г. генералъ-прокуроръ князь Трубецкой рапортовалъ государынѣ: „Минувшаго генваря 3-го дня ваше императорское величество всемилостивѣйше изустно указать мнѣ соизволили ярославскихъ купцовъ Ѳедора Волкова съ братьями, которые въ Ярославлѣ содержатъ театръ и играютъ комедіи, и кто имъ для того еще потребны будутъ, привезти въ С.-Петербургъ. [illegible]". Документъ этотъ устанавливаетъ дату, когда Волковъ съ ярославцами прибылъ въ Петербургъ, устанавливаетъ численный составъ прибывшей труппы.

Вскорѣ послѣ прибытія (опять точно неизвѣстно, когда именно: въ февралѣ или въ мартѣ) ярославскіе актеры играли при дворѣ съ большимъ успѣхомъ. Императрица отнеслась къ нимъ очень внимательно и между прочимъ [illegible] покровительства Иванова, игравшаго обыкновенно женскія роли. Императрица [illegible] при этомъ вышло, что Ежиковъ служилъ у польскаго графа Дмитревскаго, и повелѣла, чтобы онъ принялъ фамилію Дмитревскій. Подъ этой фамиліей онъ и сдѣлался впослѣдствіи извѣстенъ какъ актеръ, дѣятель по организаціи театра и какъ авторъ.

Такимъ образомъ, Волковъ и самъ выходилъ на широкое поприще столичнаго актера, и увлекъ за собою еще нѣсколько даровитыхъ молодыхъ людей, также преданныхъ театру. Мечты [illegible] осуществлялись: онъ сдѣлался не только актеромъ, но и организаторомъ театральнаго дѣла въ Россіи. Послѣ устройства сцены въ Ярославлѣ, онъ принимается затѣмъ въ Петербургѣ и занимается устройствомъ театра здѣсь, а также командируется дважды въ Москву для организаціи театральнаго дѣла. И все это онъ исполняетъ съ успѣхомъ. По прибытіи въ Петербургъ онъ вскорѣ привлекаетъ на сцену первыхъ русскихъ актрисъ. Въ столицахъ Волкову было легче вести дѣло, съ него спадало много черновой работы по декоративной части и пр. Онъ могъ больше времени отдавать собственно сценѣ, а также литературѣ. И что всего замѣчательнѣе, это—его постоянное и упорное стремленіе къ самообразованію: какъ въ первый разъ онъ пріѣзжалъ въ Москву и въ Петербургъ главнымъ образомъ въ цѣляхъ образовательныхъ, такъ и теперь, актеръ, [illegible] пользовавшійся успѣхомъ, уже достигшій извѣстности, славы, [illegible] славы. Въ 1754 г. Волковъ и братъ его Григорій, равно какъ и нѣкоторые другіе молодые люди, по высочайшему повелѣнію опредѣлены въ кадетскій корпусъ. Они должны были обучаться наукамъ и языкамъ съ кадетами, но избавлены были отъ воинскихъ экзерцицій и носили особую одежду, безъ [illegible] часъ въ корпусѣ, они оставались актерами, и цѣль обученія ихъ имѣла въ виду ихъ сценическую дѣятельность. Насколько серьезно относился къ своимъ занятіямъ Волковъ, видно изъ того, что онъ [illegible] Волковъ, [illegible] для [illegible] нѣсколько книгъ театральныхъ и [illegible], но какъ я не имѣлъ заплатить за оныя готовыхъ у себя тогда денегъ, то принужденъ былъ нѣкоторыя вещи свои, о которыхъ упомянуто будетъ, заложить, взявъ и на то употребить. Но понеже тѣ заложенныя вещи мнѣ нынѣ, а особливо для наступающаго [illegible], премного нужны, то прошу выдать ему денегъ въ зачетъ [illegible]—19 р. да [illegible]—13 рублей и пр.

Въ 1756 г. Волковъ оставилъ корпусъ и получилъ званіе перваго придворнаго актера. Къ этому году и относится знаменитый указъ 30-го августа объ учрежденіи театра: „Повелѣли мы нынѣ учредить русскій для представленія трагедій и комедій театръ, для котораго отдать Головинскій каменный домъ, что на Васильевскомъ островѣ", и пр. На содержаніе театра опредѣлена сумма въ 5,000 р. въ годъ. Директоромъ театра назначенъ Сумароковъ.

Волковъ пользовался большимъ успѣхомъ на сценѣ. Онъ исполнялъ и комическія, и трагическія роли. Одинъ изъ современниковъ называетъ игру Волкова „бѣшеной", другой говоритъ объ ея [illegible] и простотѣ, а „природной" [illegible]

[illegible] переводилъ для сцены; онъ писалъ и стихи для сцены. Изъ его литературныхъ трудовъ до насъ почти ничего не дошло. Извѣстна одна его эпиграмма:

Всадника хвалятъ: хорошъ наѣздникъ.
Хвалятъ другіе: хорошъ жеребецъ.
[illegible]

Современники очень одобряли [illegible] его произведеній и тогда уже не могъ ихъ найти. Онъ между прочимъ приводитъ заглавіе двухъ пѣсенъ, сочиненныхъ Волковымъ. Одна изъ нихъ начинается [illegible]

[illegible]

Изъ сценическихъ произведеній Волкова до насъ дошла только программа маскарада, составленная имъ въ 1763 г. для московскихъ улицъ во время коронаціи Екатерины и озаглавленная „Торжествующая Минерва". Характеръ маскарада былъ сатирическій. Въ немъ осмѣивались невѣжество, обманъ, мотовство, пьянство и пр. Маскарадъ заключался „Золотымъ вѣкомъ", гдѣ прославлялась Екатерина. Любопытно, что въ [illegible] перепечатки этой программы въ Московскомъ [illegible] нѣкоторыхъ мѣстъ, которыя потомъ попали въ печать, если не ошибаемся, впервые только въ 1885 г.

Маскарадъ 1763 г. былъ лебединою пѣснью Волкова. Распоряжаясь для его устройства на улицахъ, онъ схватилъ простуду, которая и свела его въ могилу. Онъ скончался 4-го апрѣля 1763 г. въ Москвѣ и торжественно погребенъ въ Андроніевскомъ монастырѣ. Могила его не сохранилась.

Надо еще упомянуть, что Волковъ принималъ участіе въ переворотѣ, возведшемъ на престолъ Екатерину. Преданіе говоритъ, что онъ вывелъ изъ большого затрудненія государыню, импровизовавъ въ церкви манифестъ, заранѣе не заготовленный. Екатерина наградила Волкова и брата его Гаврилу: они получили дворянство и 700 душъ крестьянъ.

Приведемъ въ заключеніе характеристику Волкова, оставленную Новиковымъ. „Сей мужъ былъ великаго, обширнаго и проницательнаго разума, основательнаго и здраваго разсудка и рѣдкихъ дарованій, украшенныхъ многимъ ученіемъ и прочтеніемъ полезныхъ книгъ. Театральное искусство зналъ онъ въ высшей степени; при семъ былъ хорошій стихотворецъ, хорошій [illegible], довольно искусный музыкантъ на многихъ инструментахъ, посредственный скульпторъ, однимъ словомъ—человѣкъ многихъ знаній въ довольной степени". Живописью и скульптурой Волковъ началъ заниматься еще въ Ярославлѣ. [illegible] дошедшихъ до насъ его произведеній въ этой области является [illegible] въ одной изъ ростовскихъ церквей, [illegible]. Свое занятіе различными искусствами показываетъ особенно богато одаренную природу.

Другой современникъ, Фонвизинъ, называетъ Волкова „мужемъ глубокаго разума, наполненнаго достоинствами, который имѣлъ большія знанія и могъ бы быть человѣкомъ государственнымъ".

Рано скончался Волковъ, но онъ успѣлъ много сдѣлать, и дѣло его было прочно. Начиная съ театра, устроеннаго имъ въ Ярославлѣ, русская сцена продолжала развиваться безъ перерыва. Въ этомъ смыслѣ Волковъ долженъ навсегда сохранить за собой почетное названіе—основателя русскаго театра. Но значеніе Волкова не исчерпывается только этимъ. Онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ даровитый артистъ, имѣвшій крупное вліяніе на современныхъ ему актеровъ. Онъ былъ для нихъ да и остается для всѣхъ своихъ преемниковъ поучительнымъ примѣромъ еще въ другомъ отношеніи. Онъ всегда много и усиленно работалъ надъ своимъ образованіемъ, особенно въ области драматическаго искусства. Не надѣясь на свой талантъ только, на свою „[illegible]", онъ клалъ въ основу своего служенія искусству трудъ, изученіе, науку.

Полтораста лѣтъ уже отдѣляютъ насъ отъ начала дѣятельности Волкова, рано прерванной его преждевременной смертью. И тѣмъ не менѣе Волковъ и его служеніе русской сценѣ представляются [illegible]. Это объясняется тѣмъ, что другъ и ученикъ Волкова Дмитревскій жилъ еще въ нынѣшнемъ столѣтіи, а наиболѣе замѣчательный артистъ новой русской сцены Щепкинъ засталъ еще [illegible] въ началѣ своей дѣятельности, когда еще были свѣжи и крѣпки преданія Волковской эпохи. Вотъ почему для Щепкина, какъ это видно изъ рѣчи, [illegible] въ Ярославлѣ, связь съ Волковымъ была живою силой, и онъ непосредственно чувствовалъ, чѣмъ русская сцена, русскій актеръ обязаны основателю русскаго театра. Минетъ уже скоро сорокъ лѣтъ со дня кончины Щепкина, и въ нашей средѣ еще сохраняется [illegible], а теперь и то должна утрачиваться и связь съ [illegible] русскаго театра. Нынѣшнее чествованіе памяти Волкова должно способствовать оживленію этой связи. Пожелаемъ же, чтобы среди дѣятелей русской сцены неизмѣнно сохранялись основныя черты замѣчательной личности Волкова: беззавѣтная преданность искусству, неустанная работа надъ собой. Высокая и симпатичная личность основателя русскаго театра, этого образованнѣйшаго самоучки и трудолюбиваго таланта, должна оставаться навсегда священнымъ завѣтомъ для русской сцены.

В. Веденѣевъ.